

© 2023

Кирилл Янков

кандидат экономических наук, заведующий лабораторией
Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: kyankov@ecfor.ru)

ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ УДАЛЕННО ЗАНЯТЫХ РАБОТНИКОВ ПО ДАННЫМ О КОВОРКИНГАХ

В работе исследуется информация о количестве коворкингов в различных городах России как косвенный показатель относительной концентрации удаленно занятых работников, которые используют специально организованные места для работы как на постоянной основе, так и в качестве временного офиса, в т. ч. во время командировок или отдыха. Полученные результаты отражают существующие в настоящее время тенденции географического распространения удаленной занятости и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения этого вопроса.

Ключевые слова: коворкинг; удаленные работники; дистанционные работники; удаленно занятые; территориальное распространение удаленной занятости.

DOI: 10.31857/S020736760029183-0

В последние годы, особенно в пандемию COVID-19, значительное распространение в мире приобрела удалённая (дистанционная) занятость, или удалённая (дистанционная) работа. Хотя такой вид занятости существовал исстари (надомная работа), рост её распространённости обусловлен современными телекоммуникационными технологиями, использованием сети «Интернет». При этом общепринятого определения этого феномена нет, хотя он является объектом исследования как в экономической, так и в юридической науке. В работе [1] подробно рассмотрены различные определения и предложено считать базовым то, которое содержится в федеральном законе: «выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования»¹.

¹ Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях».

Исследование удалённой занятости в нашей стране сдерживается фактическим отсутствием статистического наблюдения за этим явлением. Так, в годовом выборочном обследовании рабочей силы за 2021 г. (в квартальных обследованиях этих данных нет) из 66,9 млн работающих по найму таких выявлено только 34 тыс. (0,05%)². В соответствующем обследовании за 2019 год из 67,1 млн работающих по найму таких было выявлено только 30 тыс. (менее 0,05%)³.

Очевидно, что эти данные не отражают реальной распространенности удалённой занятости, особенно в постковидное время. Так, в сентябре 2021 г. министр труда А. Котяков оценил количество удаленно работающих в 2,8–3 млн человек⁴, что на два порядка больше данных Росстата.

Что касается информации о расселении (местонахождении) удаленно занятых, то здесь нет даже приблизительных оценок. Между тем такая информация представляет не только научный интерес: она значима как для стратегического планирования развития территорий, так и для текущего планирования местных бюджетов, социальной инфраструктуры и пр.

Важным является и такое обстоятельство, как возможность выбора удаленно занятыми работниками места проживания, безотносительно географического места работы (дислокации) работодателя. Конечно, этой возможностью не пользуются все удаленные работники (здесь и далее термины «удаленный работник» и «дистанционный работник» используются как синонимы): для многих важна привязанность к родным местам, наличие родственников и социальных связей, очная работа членов семьи. Однако данные о территориальной концентрации даже применительно к части «удаленщиков» дают более объективную, чем рейтинговое, оценку комфортности для жизни тех или иных городов и регионов страны.

В настоящей статье в качестве информации, позволяющей приблизительно оценить территориальное распространение удаленной занятости, использованы данные о коворкинг-центрах или коворкингах — пространствах для работы, используемых в значительной мере именно удаленно занятыми работниками. М. Полтавская определяет коворкинг как «модель работы, в которой участники, оставаясь независимыми и свободными, используют общее пространство для своей деятельности. Как схема организации рабочих мест, коворкинг представляет собой совместный офис, где параллельно работают фрилансеры и

² Федеральная служба государственной статистики. Выпуск «Обследование рабочей силы 2021», таб. 3.9 «Работающие по найму в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе и видам трудового договора». Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 24.09.2023).

³ Федеральная служба государственной статистики. Выпуск «Обследование рабочей силы 2019», таб. 3.9 «Работающие по найму в возрасте 15 лет и старше по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе и видам трудового договора». Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 23.09.2023).

⁴ А. Котяков: «Три миллиона человек продолжают работать дистанционно». Специальный проект «Российской газеты» «Восточный экономический форум-2021», URL: <https://rg.ru/2021/09/02/kotikov-tri-milliona-chelovek-prodolzhaiut-rabotat-distancionno.html> (дата обращения: 26.09.2023).

проектные команды» [2], а Э. Круг — как «пространство, где специалист из любой области имеет возможность заниматься своей профессиональной деятельностью в каком угодно месте в пределах рабочей зоны» [3]. «Коворкинг отличается от обычного офисного рабочего пространства, потому что люди в его среде обычно не работают в одной и той же компании» [4]. Отмечается также, что «коворкинги из относительно экзотического формата современных рабочих пространств последние годы стали стремительно превращаться в основной прототип рабочих пространств ближайшего будущего» [5].

Сеть коворкингов в мире развивается, как минимум, с 2005 года, а первый коворкинг в России появился в 2008 году, когда Алексей Глазков, ныне идеолог российского коворкинг-движения, открыл проект «Башня» в Екатеринбурге [6]. За рубежом коворкинги исследуются достаточно давно, так, существует специализированный онлайн-журнал «Deskmag Magazine»⁵.

Создание и эксплуатация коворкингов осуществляются, как правило, частным бизнесом. Исключений из этого очень немного (так, в рамках правительственной программы госучреждением «Малый бизнес Москвы» открыты коворкинги в Северном, Южном, Восточном и Троицком административных округах столицы [7]); коворкинги не являются объектом городского планирования, не предусмотрены какими-либо градостроительными нормативами или нормативно-правовыми актами. Следовательно, количество коворкингов зависит от спроса на их услуги.

Практически во всех отечественных и зарубежных публикациях, в которых речь заходит о клиентах (участниках) коворкингов, упоминаются удалённые работники и фрилансеры (которые состоят со своими работодателями не в трудовых, а в гражданско-правовых отношениях, также, по сути, чаще всего являются дистанционными работниками). «К числу участников [коворкингов] относятся, как правило, небольшие компании, удаленные сотрудники, проектные группы, начинающие предприниматели и фрилансеры» [8]. «Деятельность коворкинг-центров направлена на следующую аудиторию: фрилансеры, удаленные работники, переводчики, а также люди разных творческих профессий — дизайнеры, художники, фотографы, писатели и другие» [3]. «Коворкинг-пространства, как правило, заполнены более разнообразным набором участников, включая стартапы (разного качества), малый бизнес, фрилансеров и удаленных работников из крупных корпораций» [9]. В России исследований структуры клиентской базы коворкингов пока не проводилось, однако в зарубежных источниках отмечается, что «почти половина клиентов работала дома (45%), пока не переключилась на коворкинги» («Almost half of all members worked in a home office (45%) before switching to a coworking space»⁶).

⁵ Официальный сайт электронного журнала «Deskmag Magazine». URL: <http://www.desk-mag.com>. Режим доступа: (дата обращения: 25.09.2023).

⁶ The Members: How, When & Why Do They Work in Coworking Spaces? Электронный журнал «Deskmag Magazine». URL: <https://www.desk-mag.com/en/coworkers/coworking-space-members-how-when-why-are-people-working-in-coworking-spaces-statistics-market-report> (дата обращения: 25.09.2023).

Географическое распространение коворкингов также является объектом отдельных исследований. Опубликованы интересные работы по отдельным странам, например, коллектива итальянских авторов в отношении Италии [10] и А. Шерстневой в отношении Таиланда [11]. Однако применительно к России публикаций о подобных исследованиях пока нет.

Представляется обоснованной рабочая гипотеза: количество коворкингов в городах находится в тесной связи с количеством удалённо занятых, проживающих и работающих в этих городах. Хотя данных о количестве коворкингов недостаточно для оценки абсолютного количества удалённо занятых, однако оценить с их помощью относительное количество или степень концентрации удалённо занятых работников в том или ином городе можно. В качестве показателя такой оценки (показатель концентрации коворкингов) для каждого города принята численность населения, приходящаяся на один коворкинг. Значение показателя характеризует уровень концентрации коворкингов: чем оно ниже, тем выше уровень концентрации.

Статистические данные о количестве коворкингов отсутствуют, однако оно может быть оценено с помощью специализированных интернет-ресурсов. Таковыми специализированными ресурсами являются «агрегаторы коворкингов». В сентябре 2023 г. действующими являлись ресурс <https://ocowork.ru>, на котором представлены 1272 российских коворкинга (рис. 1), и <https://www.kovorkingi.ru/>, на котором представлены 588 коворкингов (рис. 2). Упомянутый в научной литературе [12] ресурс <https://coworking-guide.ru> в настоящее время недоступен.

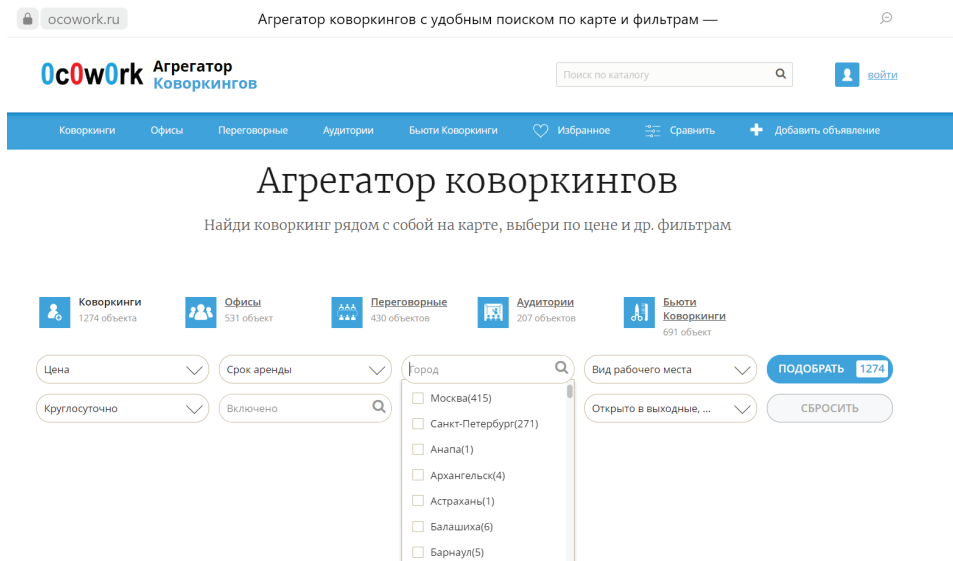

Рис. 1. Агрегатор коворкингов «OcOwOrk.ru».

Источник: URL: <https://ocowork.ru/>.

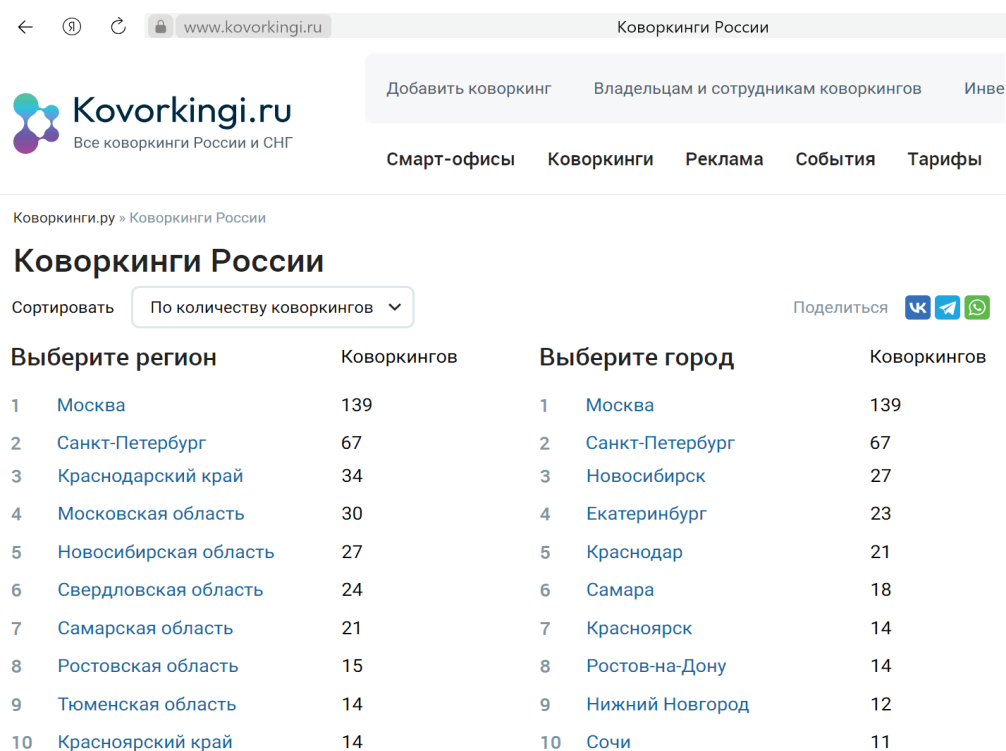

Рис. 2. Агрегатор коворкингов «Коворкинги.ру».

Источник: URL: <https://www.kovorkingi.ru/kovorking>.

Анализ территориального распределения коворкингов был проведен по первым двум интернет-ресурсам. В задачу настоящего исследования не входит изучение причин расхождений между ними, которые, вероятнее всего, связаны с коммерческой политикой владельцев как интернет-ресурсов, так и самих коворкингов. Однако наличие расхождений не препятствует выявлению основных тенденций. При расхождении в количестве коворкингов по данным разных интернет-ресурсов для каждого города выбиралось наибольшее значение.

В расчёте показателя концентрации коворкингов не учитывались:

- города, в которых ни один из двух рассмотренных интернет-ресурсов не показывал наличия более двух коворкингов;
- отдельные города среднего размера, расположенные за пределами Московской агломерации и Южного федерального округа, с труднообъяснимо высоким уровнем концентрации коворкингов (Великие Луки, Касимов, Энгельс), данные о коворкингах в этих городах нуждаются в перепроверке;
- поселки и сельские населённые пункты (Томилино, Сапраново, Федяково), входящие в Московскую либо Нижегородскую агломерации.

Сводный расчёт показателя концентрации коворкингов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сводный расчёт показателя концентрации коворкингов

Город	Население города на 1.1.2023	Количество коворкингов по данным сайта https://ocowork.ru/	Количество коворкингов по данным сайта https://www.kovorkingi.ru/	Показатель концентрации (численность населения, приходящаяся на 1 коворкинг, тыс. человек)
Москва	13104177	415	140	31,6
Санкт-Петербург	5600044	269	67	20,8
Архангельск	298617	4	2	74,7
Балашиха	526851	6	0	87,8
Барнаул	623057	5	1	124,6
Белгород	333931	5	2	66,8
Благовещенск	240572	3	0	80,2
Владивосток	597237	9	4	66,4
Волгоград	1025662	4	2	256,4
Воронеж	1051995	6	2	175,3
Екатеринбург	1539371	26	24	59,2
Зеленоград	262505	8	1	32,8
Иваново	360687	2	4	90,2
Ижевск	620591	7	6	88,7
Иркутск	611215	6	5	101,9
Казань	1314685	28	14	47,0
Калининград	489735	25	6	19,6
Калуга	333954	3	2	111,3
Кемерово	549362	2	3	183,1
Киров	471754	3	1	157,3
Клин	88525	2	4	44,3
Королёв	227909	6	0	38,0
Кострома	265965	3	1	88,7
Красногорск	188850	5	0	37,8
Краснодар	1121291	51	21	22,0
Красноярск	1196913	5	14	85,5

Липецк	490428	0	3	163,5
Лобня	81968	4	2	20,5
Магнито-горск	409255	4	2	102,3
Махачкала	622660	3	2	207,6
Мурманск	267422	3	0	89,1
Мытищи	266436	3	0	88,8
Набережные Челны	545750	2	3	181,9
Назрань	124086	5	1	24,8
Нижний Новгород	1213477	19	12	63,9
Новокузнецк	533565	0	4	133,4
Новосибирск	1635338	27	28	58,4
Новорос-сийск	261626	6	2	43,6
Одинцово	186172	5	0	37,2
Омск	1110836	2	3	370,3
Орёл	296633	4	1	74,2
Оренбург	539236	0	3	179,7
Пенза	492376	6	3	82,1
Пермь	1027153	10	8	102,7
Пятигорск	144955	5	2	29,0
Реутов	113140	14	3	8,1
Ростов-на-Дону	1135968	25	14	45,4
Рязань	523203	4	5	104,6
Самара	1163645	18	18	64,6
Саратов	891898	4	5	178,4
Севастополь	558273	10	5	55,8
Симферополь	337730	0	5	67,5
Солнечногорск	48479	4	1	12,1
Сочи	228599	20	11	11,4
Таганрог	242327	4	1	60,6
Тольятти	674630	3	3	224,9
Томск	561504	2	4	140,4
Тюмень	855618	8	10	85,6
Улан-Удэ	436138	3	1	145,4
Уфа	1157994	33	8	35,1

Фрязино	59606	4	0	14,9
Хабаровск	617168	8	9	68,6
Химки	257006	18	3	14,3
Челябинск	1182517	15	9	78,8
Щёлково	135509	4	0	33,9
Электро- сталь	143182	4	1	35,8
Якутск	361154	0	3	120,4

Источник: Росстат, расчеты автора.

Рис. 3. Сводный расчёт показателя концентрации коворкингов.

Источник: Росстат, расчеты автора.

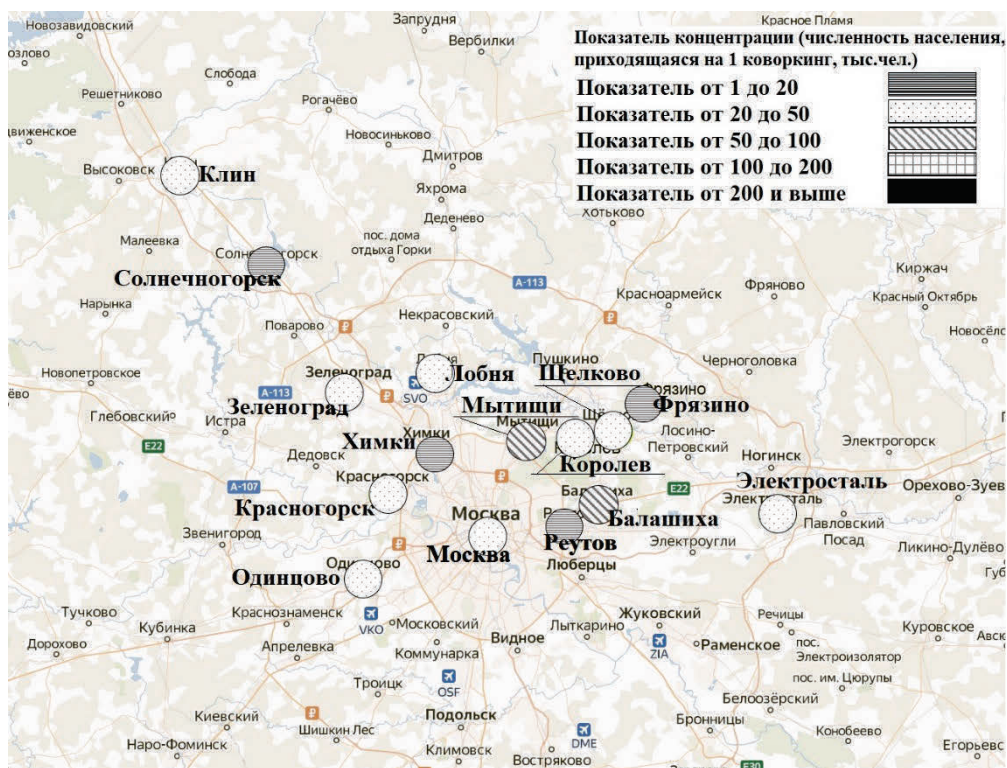

Рис. 4. Показатель концентрации коворкингов в Московской агломерации.

Источник: Росстат, расчеты автора.

Содержательный анализ полученных значений показателя концентрации коворкингов (либо концентрации удалённых работников) позволяет сделать некоторые выводы (рис 4,5).

В *Центральном* федеральном округе удалённые работники концентрируются в Москве и Московской агломерации, причем в основном — в радиусе 50 км от МКАД, со значениями показателя от 8,1 (Реутов) до 88,8 (Мытищи), а расположенный далее 50 км Клин (44,3) имеет более быстрое, чем другие города, сообщение с Москвой как по железной, так и по автомобильной дороге.

Среди городов Московской агломерации концентрация коворкингов в городах, имеющих статус наукоградов, выше, чем в соседних, но этого статуса не имеющих. Таковы пары: наукоград Реутов (8,1) и Балашиха (87,8), наукоград Королёв (38,0) и Мытищи (88,8), наукоград Фрязино (14,9) и Щёлково (33,9).

Интересно, что в радиусе от 50 до 280 км от Москвы располагается своеобразная «мертвая зона» с низкой концентрацией удалённых работников: более 2 коворкингов обнаружилось лишь в Калуге (111,3) и Рязани (104,6), а такие города, как Тверь, Тула, Владимир, Ярославль, остались за пределами расчёта.

Объяснить это можно следующим образом. Для данного «пояса» городов характерна «однодневная» доступность Москвы (есть возможность поездки с деловыми целями и возвращения в течение дня, без ночёвки, в обоих направлениях). Следствием этого является, во-первых, проживание в городах «пояса» работников, удалённо занятых в Москве лишь частично и посещающих своего работодателя 1–2 раза в неделю (следовательно, меньше нуждающихся в коворкингах, чем полностью удалённо занятые). Во-вторых, в эти города выведено из Москвы много удалённых подразделений столичных компаний, требующих рабочих рук [13]; в городах, расположенных дальше, таких подразделений значительно меньше. В-третьих, вероятно также, что в указанном «поясе» расположено значительное количество офисов компаний, для которых важна однодневная доступность до Москвы, но размещение в Москве представляется чрезмерно затратным. Две последние категории компаний предоставляют в городах «пояса» значительное количество традиционных рабочих мест, создающих конкуренцию полностью удалённой работе, что, соответственно, влияет на количество удалённо занятых в меньшую сторону.

На расстояниях от 280–300 до 400 км от Москвы концентрация коворкингов, напротив, выше: Иваново (90,2), Кострома (88,7), Орёл (74,2). Однако за пределами 400-километровой зоны от Москвы она вновь снижается: Воронеж (175,3), Липецк (163,5). Ни Тамбов, ни Курск, ни Брянск, ни Смоленск в расчёт не вошли (в каждом из этих городов не более двух коворкингов), а исключением является Белгород (66,8) – город с самым тёплым в Центральном федеральном округе климатом.

В *Северо-Западном* федеральном округе по концентрации коворкингов лидируют Калининград (19,6) и Санкт-Петербург (20,8); в других городах, представленных в расчёте, значение показателя находится в диапазоне 70–90 (Архангельск – 74,7; Мурманск – 89,1).

В *Уральском* и *Сибирском федеральных округах* максимальная концентрация удалённо занятых работников наблюдается в административном центре каждого округа, соответственно Екатеринбург (59,2) и Новосибирске (58,4). Для городов Уральского округа выявилась четкая зависимость: чем меньше население города, тем ниже в нём концентрация коворкингов (Магнитогорск – 102,3; Тюмень – 85,6; Челябинск – 78,8).

В Сибирском округе подобной зависимости нет: из двух (помимо Новосибирска) городов-«миллионников» Красноярск (85,5) занимает второе место, однако Омск (370,3) попал в аутсайдеры. Значение показателя для остальных городов лежит в диапазоне 100–190: Барнаул (124,6), Иркутск (101,9), Кемерово (183,1), Новокузнецк (133,4), Томск (140,4). Если пониженная концентрация дистанционных работников в традиционно промышленных городах (Кемерово, Новокузнецк) понятна, то невысокий уровень обеспеченности

коворкингами Томска, известного как вузовский и научный центр, не поддается простому объяснению.

В *Приволжском* федеральном округе лидером по концентрации удалённых работников являются не его центр – Нижний Новгород (63,9), а другие города-«миллионники»: Уфа (35,1), Казань (47,0), Самара (64,6). Отстаёт только Пермь (102,7), которую опередили Пенза (82,1) и Ижевск (88,7).

В *Дальневосточном* федеральном округе удалённые работники примерно в равной мере сконцентрированы в Хабаровске (68,6) и Владивостоке (66,4), немного уступает им Благовещенск (80,2). Относительно высокий уровень концентрации (выше, чем во всех городах Сибири, исключая Новосибирск) можно объяснить 7-часовой разницей во времени с европейской частью: для ускорения производственного процесса часто требуются работники, которые выполнят свою часть работы ночью, и к началу следующего рабочего дня в Москве или Санкт-Петербурге выдадут результаты (контрциклически-занятые)⁷.

В *Южном* федеральном округе концентрация дистанционных работников выше, чем в других, лидером тут выступает Сочи (11,0). Немного отстаёт Краснодар (22,0), а Ростов-на-Дону (45,4) опережает остальные центры федеральных округов, кроме Москвы и Санкт-Петербурга. Остальные представленные в расчёте приморские либо расположенные недалеко от моря города (Симферополь, Севастополь, Новороссийск, Таганрог) имеют значение показателя в диапазоне 40–70. А вот в городах, расположенных вдали от моря (Волгоград – 256,4), концентрация удалённых работников существенно ниже. Тяготение коворкингов к тёплому климату является и общемировым трендом: «исходя из зарубежного опыта, регионом, насчитывающим наибольшее количество коворкинг-пространств, являются Индия, Азия и Океания» [3]. Можно, однако, предположить, что в южных, особенно приморских, городах коворкингами пользуются не только те удалённые работники, которые поселились там постоянно, но и прибывшие на более или менее продолжительный отдых.

Своеобразная ситуация сложилась в *Северо-Кавказском* федеральном округе. Лидерами являются Назрань (24,8) и Пятигорск (29,0), а следующая за ними Махачкала (207,6) имеет с этими двумя городами огромный разрыв. Можно предположить, что лидерство Назрани связано с тем, что Республика Ингушетия имеет самый высокий в стране уровень безработицы⁸, однако выявление характера такой связи требует дополнительного исследования. Высокий уровень концентрации коворкингов в Пятигорске объясняется скорее всего курортным характером этого города.

⁷ Янков К.В. О потенциальном влиянии роста удаленной занятости на развитие Азиатской части России. IV-ая Всероссийская научно-практическая конференция «Анализ и прогнозирование развития экономики России» ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН, 24–26 марта 2022 г. URL: <https://ecfor.ru/publication/udalennaya-zanyatost-i-prostranstvennoe-razvitiye/> (дата обращения: 24.09.2023).

⁸ Рейтинг российских регионов по уровню безработицы. Информационное агентство «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20230227/bezrobotitsa-1853624257.html> (дата обращения: 25.09.2023.)

Общие выводы. Концентрация коворкингов (и опосредованно — удалённо занятых работников) выше в наиболее крупных городах-«миллионниках», а также в Московской агломерации, в приморских субъектах Южного федерального округа, в Калининграде и Пятигорске. Это позволяет сделать выводы о важнейших факторах концентрации коворкингов (и опосредованно — удалённо занятых работников):

- размер агломерации;
- более благоприятные климатические условия, а также статус курорта.

Менее значимым фактором концентрации выступает расположение города на Дальнем Востоке, где повышен спрос на контрциклически-занятых удалённых работников.

Среди «миллионников» концентрация ниже средней наблюдается в Воронеже, Волгограде и особенно в Омске. В отношении Омска это может объясняться тем, что он — единственный город-«миллионник», не являющийся «центром притяжения» ни для одного соседнего региона: расположенный восточнее Новосибирск и расположенная западнее Тюмень сами являются значительными центрами притяжения (Тюмень, в том числе, в силу статуса центра более ресурсного региона, чем Омская область, и ориентации на Екатеринбург).

Среди других городов более высокая концентрация коворкингов наблюдается в наукоградах, а более низкая характерна для традиционно промышленных городов — таких как Липецк, Тольятти, Набережные Челны, Кемерово и др. Это соотносится с данными о том, что удалённая занятость более характерна для профессий умственного, а не физического труда (например, согласно ВЦИОМ (май 2022 г.), удалённо занятый в основном «занят в сфере ИТ (36%), СМИ (35%) или финансовой и страховой деятельности (23%)»⁹.

Продолжение исследований территориального распределения удалённо занятых по городам нашей страны позволит учитывать этот слой трудящихся, практически «невидимый» ни статистикой, ни органами власти, как в стратегическом планировании, так и в планировании бюджетов, городской и социальной инфраструктуры.

Литература

1. Янков К.В. Подходы к измерению и прогнозированию удаленной занятости // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4 (187). С. 89–99.
2. Полтавская М.Б. Институционализация новых форм социального взаимодействия: пространство коворкинга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3 (23). С. 107–115.
3. Круг Э.А. Коворкинг как инновационное направление по организации труда // Вестник МГПУ. Серия: экономика. 2021. № 3(29). С. 72–83.
4. Шалаева И.А. Развитие коворкинг в современных условиях // Вестник научной мысли. 2022. № 1. С. 33–37.

⁹ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odin-iz-doma-udalenka-v-post-pandemicheskoi-zhizni>.

5. *Иванов В.В., Убушаева Б.Г., Иванова А.В.* Подготовка исследования ключевых потребностей коворкингов в России // Муниципальная академия. 2021. № 4. С. 73–80.
6. *Реш А.С.* Коворкинг – новый гибкий формат офисных пространств // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 38. С. 1036–1044.
7. *Хмельницкая Н.В.* Интернет-инкубаторы как инструмент поддержки предпринимательства // В сборнике: Стратегические вызовы и тенденции социально-экономического развития регионов Сборник научных трудов по итогам проведения круглого стола. Под редакцией Радько С.Г. 2019. С. 166–170.
8. *Пирогова О.Е., Иванова М.С.* Новые тренды развития коворкингов на рынке недвижимости в условиях пандемии // Наука и бизнес: пути развития. 2020. № 12 (114). С. 221–224.
9. Howell T. Coworking spaces: An overview and research agenda. *Research Policy*. Volume 51, Issue 2, March 2022. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S004873321002390>.
10. *Mariotti I., Akhavan M., Di Matteo D.* (2021). The Geography of Coworking Spaces and the Effects on the Urban Context: Are Pole Areas Gaining?. In: Mariotti, I., Di Vita, S., Akhavan, M. (eds) *New Workplaces—Location Patterns, Urban Effects and Development Trajectories*. Research for Development. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-63443-8_10.
11. *Шерстнева А.Р.* География хабов цифрового кочевничества в Таиланде // Региональные исследования. 2022. № 4 (78). С. 49–60.
12. *Воробей Е.К.* Коворкинг в России: состояние и прогноз развития / Е.К. Воробей, К.Д. Воробей // *Sochi Journal of Economy*. 2021. Т. 15. № 4. С. 381–391.
13. *Янков К.В.* Территориальное рассредоточение рабочих мест как фактор пространственного развития экономики // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1 (166). С. 68–75.

Kirill Yankov (e-mail: kyankov@ecfor.ru)

PhD in Economics, Head of Laboratory,

The Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russian Federation)

ASSESSMENT OF THE TERRITORIAL CONCENTRATION OF REMOTELY EMPLOYED WORKERS ACCORDING TO COWORKING DATA

The paper examines information on the number of coworking spaces in various cities of Russia as an indirect indicator of the relative concentration of remotely employed workers who use specially organized places to work both on a permanent basis and as a temporary office, including during business trips or vacations. The results obtained reflect the current trends in the geographical spread of remote employment and emphasize the need for further study of this issue.

Keywords: coworking; remote workers; teleworkers; remotely employed; territorial distribution of remote employment.

DOI: 10.31857/S020736760029183-0